

ТРУДНАЯ СИТУАЦИЯ

Рассказ

Нелегкое дело быть секретарем комсомольской организации такого колхоза, как наш «Рассвет». Раз «Рассвет», значит светить должен, впереди, так сказать, идти, пример другим показывать. Вот мы и стараемся, светим. Заняли первенство в соревновании и не уступим никому.

Должность у меня беспокойная — механик колхоза. Техники приобрели много. Одних тракторов, считай, штук шестьдесят — успевай обслуживай. Работаешь, а рядом с тобой как будто второй человек стоит и напоминает, что ты не просто механик, а еще и партийный вожак, стало быть, не только за технику отвечать должен, но и думать в общеколхозном масштабе. Вот я и думаю. Наладил выпуск стенной газеты, соревнование развернул. Одним словом, все как будто сделал, что положено по партийной линии. Думал — все, да оказалось — не все.

Приезжает как-то к нам в колхоз секретарь парткома Алексей Клементьевич Черный и говорит:

— Что ж это ты, комсомольский вожак, слабо вникаешь в колхозные дела?

Смотрю я на секретаря парткома, на его атлетическую фигуру и думаю: «Что-то просмотрел». Встревожился и Гри-

горий Федорович, председатель нашего колхоза. Видно, подумал, что будет сейчас ему очередной разнос.

— Как же это вы руководите, дорогие товарищи, что у вас целый месяц нет заведующего молочнотоварной фермой? — спрашивает Черный.

— Да вот, сняли с заведования пьяницу Иванова, а остальные мужчины по другим работам раскреплены, ставить некого, — развел руками Григорий Федорович.

И надо же было ему сказать насчет мужиков. Алексей Клементьевич даже побагровел.

— Это почему, — спрашивает, — на заведование фермой обязательно мужчина нужен? А женщина, стало быть, вам не подходит или не доверяете? Как вас понимать прикажете? Опять готовы пьяницу поставить, так что ли?

Рассердился Черный не на шутку. Но Григорий Федорович и тут нашелся: нет, говорит, у нас в колхозе подходящей на это дело женщины. Хотя, по правде сказать, действительно, не доверяет он им.

— Нет, говоришь, подходящей? А ну пойдём на ферму, посмотрим, что у вас там за женщины работают.

Ферма у нас в конце села. Помещения новые, добротные, за последние два года с помощью шефов построили. Работает на ней в основном молодежь, боевая, инициативная, ну и, надо сказать, зубастая. Если что задумали, то хочешь не хочешь, а заставят сделать. Здорово работают, а вот с заведующим — не повезло, третьего за два года сняли.

Пришли мы на ферму, а доярки все в сборе, как будто знали, что секретарь парткома приедет. В красном уголке светло, чисто, в воздухе аромат от полевых цветов, установленных в стеклянные банки на подоконниках.

— Культурно живете, — заметил секретарь.

— А, председатель колхоза к нам пожаловал, — говорят доярки с ехидцей. — Заходите, будете гостем, а то мы о вас так соскучились! На днях даже письмо в областную газету написали, попросили вас сфотографировать да поместить в «Еже», а после мы тот портретик вырежем и передний угол на ферме украсим, чтобы не забыть ваш руководящий образ.

От этих слов Григория Федоровича даже в дрожь бросило, но молчит. А что скажешь, если действительно целый месяц на ферме не был. А Черный улыбается, доволен, наблюдая, как девчата председателя прорабатывают.

— А кто у вас здесь выше всех надоей получает? — спрашивает он доярок.

— Ленка Белоглазова, — отвечают те хором.

— Она у нас, можно сказать, ученая, — застрочила слегка курносая с завитушками на висках Зойка Бобылева. — Она в этом году первый курс института заочно окончила, да и мы, глядя на нее, готовимся учиться — кто в техникуме, а кто и в институте. Так что потерпите — будет наша ферма фермой коммунистического труда.

Секретарь одобрительно кивнул и, повернувшись к Григорию Федоровичу, спросил:

— Что ж ты мне голову морочишь, ставить, говоришь, некого? Вот Белоглазову и ставь заведующей.

Григорий Федорович поморщился и ляпнул:

— Непутевая она у нас, какой из нее руководитель...

— Это как же понимать: «непутевая?» — удивился Черный.

А Григорий Федорович и сам, видно, не знает, почему девушку называют в селе «непутевой». Слышал да не понял. А пошла эта кличка от ее родной матери. Окончила, значит, Ленка десять классов и вопреки родителям пошла работать в колхоз дояркой. Вот мать в сердцах возьми да и назови ее «непутевой»:

— У всех дети как дети — одни в институт поступили, другие в город работать уехали, а моя коров доить пошла.

Так по глупости, по старости, значит, сказала, а она и прижилась, кличка-то.

Видит председатель, что попал впросак, помялся:

— Молода еще...

— Вижу я, вы просто не доверяете женщинам, недооцениваете их. — Раскусил, стало быть, секретарь Григория Федоровича.

— Ладно, — говорит, — на первый раз простим этого же ноненавистника, а в следующий раз за недоверие судить тебя будет особый женский трибунал... — И, обращаясь ко мне, спросил в упор: — Как вы думаете, товарищ Греков, можно поставить Белоглазову заведующей фермой?

— Думаю, можно, — отвечаю неуверенно.

— Ты согласен с кандидатурой, председатель? — спросил Черный.

— В общем да, а в частности — посмотрим, — сдипломатничал тот.

— Вот и отлично, — говорит секретарь. — Видите, как быстро вопрос решился. И, обращаясь к девушке, посоветовал: — А вам, Лена, если трудно придется, нажимайте на комсомольского секретаря. Не стесняйтесь — он у вас молодой и, надо полагать, выдержит, пусть шефствует над фермой.

— Это мы можем, — задорно улыбнувшись и искоса глянув на меня, сказала Лена. — Такая установка, товарищ секретарь, нам нравится, — под общий смех закончила она.

— Ну так действуйте, раз нравится, — сказал Черный на прощание, сел в газик и укатил с председателем в поле.

Вот с этого момента и появилась у меня трудная ситуация в личной жизни. Как только умчалась машина, девчата, затянув песню, направились в село обедать. Тут подходит ко мне Лена и говорит:

— Ох, как душно! Не отвезешь ли ты меня, Сашок, на своем мотоцикле искупаться?

Почему не отвезти. «Садись», — отвечаю.

До Зеи километра три. Еду с ветерком по полевой дороге, затерянной в желтой пшенице, и изредка поглядываю в зеркальце, установленное на руле, любуюсь, как Лена, откинув голову, щурит навстречу ветру глаза. Ох, и красивая же Ленка! Интересно, говорил ей кто-нибудь об этом или нет? Наверно, сама знает...

У речки поставил я мотоцикл под черемуху и сел на край крутого берега.

— Отвернись!

Отвернулся, смотрю вдаль, за поворот, где исчезает Зея, а сам слышу, как Лена снимает платье и бегом бросается в речку. Поворачиваю голову и любуюсь, как легко и размашисто она плышет. Вот она, наконец, вышла из воды и, наклонившись, отжимает обеими руками косы. Я смотрю на нее и не могу насмотреться. В голубом купальнике, с сильными загорелыми руками, она похожа на сказочную фею, вышедшую на берег.

— Что смотришь, как на свою... — с усмешкой бросает Лена.

— Будешь моей... — поспешно добавляю я.

— Какой самоуверенный молодой человек!..

Словно иглой, кольнули меня эти слова. Неужто, думаю, пока я ездил на районное совещание, она здесь с Мишкой-шофером любовь закрутила? Давно он к ней липнет...

— Ты же сам согласился, чтоб меня заведующей поставили, — насмехается Лена. — А теперь посуди сам, удобно ли мне быть твоей женой: ты секретарь комсомольской организации, а я, жена, — заведующая фермой, да еще к тому же группкомсорг. Родственность получается. Да и люди на селе что скажут: выдвинул, мол, Греков свою любовь в начальницы, а потом женился...

Как гора с плеч, свалились подозрения.

— Это, Ленок, дело поправимое. Вот поработаешь с месяц, начисто завалишь ферму — и снимут тебя...

— Ах вот как ты обо мне думаешь! — вспыхнула вдруг Лена. — Плохо ты, товарищ секретарь, меня знаешь. Раз так, жди — как завалю ферму, тогда и сватайся! А раньше и не показывайся.

И надо же было мне такое брякнуть... Обиделась Лена всерьез.

А ферма с этого дня прямо-таки на глазах пошла в гору. Надои стали расти с каждым днем. В соревновании вот уже третий месяц наши доярки никому не уступают. Работают как одержимые. Почти каждый день секретарь парткома телефонными звонками их подбадривает. Наговорит им всяких любезностей, а потом просит мне трубку передать. И почти всегда наш разговор заканчивается одним и тем же:

— Смотри, Греков, ты за ферму головой отвечаешь, с тебя первого спрос будет!

Вот я и стараюсь. Механизировал водопоеание, смастерил подвесную дорогу, мобилизовал, как говорится, на это дело все технические силы. Электродоильные аппараты три года неисправные на чердаке валялись и те отремонтировал и пустил в ход.

Ну а девочки теперь вообще в колхозе никому покоя не дают. По три тысячи килограммов молока от коровы надоить обязались. И надоят. А мне-то какво?

Да, трудная у меня получилась ситуация. Чем больше я, значит, помогаю, чем больше стараюсь для фермы, тем дальше отодвигается от меня личное счастье. А не помогать мне, секретарю, да к тому же механику колхоза, никак нельзя. А Лене что — ей весело: на фестивале в городе побывала, довольная вернулась.

Правда, вчера появилась у меня кое-какая надежда. Подходит она ко мне и говорит:

— Ты мне скажи, секретарь ты или не секретарь? Механик ты или просто так?

— Механик, что дальше?

— А вот что. Разве ты не замечаешь, что навоз мы вручную из коровника вывозим. Почему это в других колхозах транспортеры там разные настроили, а у нас как при царе Горохе все вручную, ты что, из нас силачей воспитываешь?

Видит, что я отвернулся и не очень реагирую на ее шум, делает разворот на сто восемьдесят градусов и дипломатически просит:

— А может, и правда, что придумаешь, Сашок?..

Как сказала медовым голосом «Сашок», так у меня всякая обида на нее прошла.

— Можно, — говорю, — что-нибудь сообразить.

— Сделай милость. Подумай только, приятности мало, если жена с работы будет приходиться уставшая. Какая радость от такой жизни?

— Все равно ты обещала замуж за меня выйти, когда завалишь ферму, так что мне спешить незачем.

Тут подошла она ко мне, улыбнулась и ласково говорит:

— Куда ж я от тебя денусь? — И чмок меня в губы.

Как это вам нравится, а? Вот теперь и посудите сами, легко мне или нет. Может, другим секретарям и проще, а мне нелегко, сложилась у меня на сегодняшний день вот такая трудная ситуация.

